

Пролог

В 1337 году в небе над Европой появилась огромная комета.

Посланница Божья, растянув на полнеба огненный хвост, предвещала начало ужаса и неотвратимость конца света. Миллионы людей не вставали с колен, испрашивая прощения за вольные и невольные грехи. Обезумевшие от ожидания адских мучений, они уже не радовались наступлению нового дня. Он мог принести еще бóльшие беды и несоизмеримое горе.

Велик был грех человеческий, и неминуемо его наказание.

В течение последующих трех лет на землю опускались огромные стаи летящей саранчи. Они до голой почвы срезали урожай, обрекая людей на жестокий голод и смерть.

А в тех краях, куда не добрался бич Божий — саранча, — люди сами убивали людей.

В том же 1337 году Божьей милостью король Англии Эдуард III пересек Ла-Манш и обрушил свою армию на Францию. Это было начало войны, которая длилась более века и получила название Столетней.

В войсках государей сражались тысячи наемников из Фландрии, Германии, Швейцарии и других стран. И когда кровавые бои ненадолго утихали, они, возвращаясь чужими землями домой, сметали все на своем пути, подобно саранче. Но часто не доходили, оседали, ожидая нового призыва, и пользовались благами незащищенных территорий, опираясь на силу оружия и безбожие.

А еще многие тысячи бродяг, нищих, прокаженных и сумасшедших. И каждый из них желал пищи, чаще всего добывая ее обманом или ударом ножа.

В последующие одиннадцать лет, прошедших в голоде и войнах, тех, кто отвернулся от земли и ремесла, стало намного больше.

И этим еще более увеличилось число грехов людских...

Глава I

Приставная лестница была липкой от долголетней плесени. К тому же шаткой и угрожающе скрипучей. Но только по ней можно было добраться до смотровой площадки башни.

Голова в старинном шлеме еще раз качнулась, и вместо нее возникла протянутая рука. От руки тоже разило плесенью.

Не воспользовавшись помощью, мужчина боком вышел на каменную площадку.

— Я так и подумал. Кому же еще быть, как не бюргермейстеру. Мог бы послать и мальчишку...

— Ладно, не ворчи, Вольтер. Должен же я убедиться, что ты еще не у Господа во власти. А может, дьявола?

Старый стражник хихикнул, приняв слова за шутку, но все-таки тайком перекрестил пупок.

— Жив я еще. Жив.

— Жив, — как-то неуверенно произнес бюргермейстер и, увидев скривившееся лицо старика, пожал плечами. — А ты знаешь, что такое жизнь?

Стражник попытался что-то вспомнить, но только качнул алебардой вправо.

— Там горит...

Бюргермейстер подошел к зубчатому краю башни и печально вздохнул.

— Это у арендатора Хольца.

— Точно, у Хольца. Я так сразу и подумал. Жаль Хольца. У него хорошо вызревал сыр с мятой.

Бюргермейстер нахмурился, но срывать на старике нахлынувшую злость не стал.

— Вольтер, сколько времени ты не спускался с башни?

— Месяц. Может быть, три, — неуверенно произнес стражник и попытался загнать несколько пальцев.

— Как рассветет, отправимся к Хольцу. Собери всех башенных стражников. А то совсем мохом покроетесь.

— Соберу, — тоскливо откликнулся старик и принялся вычесывать всклокоченную бороду. Но укусившая его блоха уже успела прыгнуть в вырез кольчуги.

* * *

Бюргермейстера тоже куснула блоха. И она, и множество печальных мыслей стали причиной кратковременной злости. Именно кратковременной, ибо бюргермейстер Венцель Марцел с детства знал, что злость приоткрывает душу дьяволу. Так же, как и неудержимое веселье. И еще очень многое. Ведь дьявол силен и коварен. К тому же он многолик и находит пристанище в телах многих.

Ладно, если противник Божий вселяется в тела полоумных старух — сестер Базель. И те едва ли не через ночь карабкаются на смотровую башню к такому же полоумному старику Вольтеру и предаются плотским утехам, вспоминая растаявшую молодость под кислое вино и черствый ячменный хлеб. Это просто невинная шалость искуителя.

А что думать о его верных слугах — разбойниках? Их души — истинные вместилища сатаны и многих его проявлений. Сколько бед и горестей от них!

Каждый день в каждом доме города Витинбурга звучат молитвы, призывающие Всевышнего обрушить свой святой гнев на эти исчадия ада. Но всемогущий Бог пока не торопится покарать грешников молнией. Как не торопятся ни епископ, ни сам император Священной Римской империи¹. А сколько слезных, писанных кровью жалоб направлено к их высоким тронам! И никто не может дать ответ — когда закончится ужас Витин-

¹ Римская империя XIV века включала в себя земли современных стран — Германии, Чехии, Швейцарии, Северной Италии, Голландии.

бурга. Разоряя и сжигая хозяйства арендаторов и селян, разбойники поставили город на грань вымирания от голода. Ведь мало того, что купцы и селяне обходят стороной беспокойные земли вокруг города. Множество пострадавших от тяжелой руки безбожников перебрались за стены Витинбурга. А множество других, еще не ставших жертвой разбойников, покинули землю и хозяйство и теперь находились на иждивении родственников, а то и просто жили под зубчатыми стенами города.

Скоро они начнут просить, потом воровать, а может, и убивать в поисках пропитания. Или еще хуже — в переполненном городе вспыхнет моровая болезнь. И тогда город вымрет. А вместе с ним и бюргермейстерство Венцеля Марцела.

* * *

Решетка поднималась медленно. По ту сторону от нее уже собрались все те, кто не имел родственников в городе и жил в повозках, еловых шалашах, а то и просто под натянутым на жерди куском холста.

Бюргермейстер тронул коня. За ним вяло потянулся десяток конных стражников и столько же пеших с арбалетами на плечах.

Покачивая головой, Венцель Марцел смотрел на несчастных беженцев и думал о том, что толкнуло его на эту вылазку. Ну уж никак не десяток сельских оборванцев и их костлявых жен. И не прижавшиеся к ногам родителей испуганные дети. И уж, конечно, не одиноко стоящие, скрюченные, будто столетние вязы, старики и старухи.

Возможно, он решился на это ради горожан, оставшихся по ту сторону городской решетки. Или трех десятков патрициатов, составляющих большинство городского совета, которые сейчас, криво улыбаясь, проводили отряд за черту города.

Они знают — бюргермейстер всегда был с причудами. Вот и теперь он выбрался из-за стен. Куда? И зачем?

В трех милях от города, среди сучковатых сосен, едва видимых за белесой стеной мелкого дождя, Венцель Марцел наконец-то согласился сам с собой — он отправился на вылазку только потому, что должен был хотя бы что-то сделать. И не важно, что

именно. Важно, что в городе, садясь всей семьей за стол, горожане поговорят об этом. А значит, повторят сами себе, что их бюргермейстер занят делом. И это дело на благо города, в том числе каждого из них.

Весна была холодной. Зелень выглядывала робко, местами. Казалось, что из птиц после морозной зимы выжили одни вороны.

Вот и сейчас они затемняют и без того мрачное небо.

— От развилки налево...

Венцель Марцел склонил голову и с безразличием посмотрел на трясущегося рядом судью Перкеля. Тот уже давно не сидел в седле, предпочитая выезжать на редкие загородные судебные разбирательства в тесной кожаной повозке, которую обычно везла одна лошадь. Судья брал подношения и не всегда согласовывал свои решения с буквой закона или собственной совестью. Это и понятно. Чтобы стать судьей, Перкель пожертвовал отцовским наследством. Но очень скоро он должен был все вернуть и приумножить. Вот только город нищал и ограничивал себя во всем.

— Спасибо, судья, — после долгой паузы выдавил Венцель Марцел.

В конце концов, судья сам напросился на поездку. Ему тоже хотелось, чтобы о нем говорили. А еще ему хотелось схватить разбойников. Тогда о нем будут говорить еще больше: судья, пославший на смерть слуг дьявола!

«Мы желаем одного — смерти разбойников», — решил бюргермейстер и даже улыбнулся Перкелю.

Судья от неожиданной благосклонности вскинул брови и сбавил шаг коня.

Потянуло гарью. Несмотря на морозящий дождик, она была сильнее покрывающей все вокруг влаги: запах пожарища по-прежнему подпитывался белым дымом, который поднимался над обугленными бревнами.

Бюргермейстер Марцел медленно осмотрел место происшествия. Дом, хлев, сыроварня, кладовые, изгороди — все превратилось в тускло-серые угли, на которых крестами лежали